

ГЛАВА 1

Мой отец всегда говорил: есть четыре вещи, которые не скроешь: солнце, две луны и истина. Так почему же моя мать всегда лжет?

Я вновь стучусь в комнату брата, зная, что он делает вид, будто не слышит. Вряд ли он расчувствуется или что-то в этом духе, я и сама знаю, как опасны эмоции. Но неужели он не откроет мне сегодня? Брат игнорировал меня с тех пор, как получил ордер на Пожертвование. С тех самых пор как девять лет назад умер папа, Уилл замкнулся в себе, но сегодня я не позволю ему сидеть затворником. Если только он не хочет умереть.

— Уилл, — зову я, — я знаю, что ты там.

— И что? — откликается он.

— Нам нужно поговорить.

— Я переодеваюсь.

— Даю тебе полминуты, а потом вхожу.

Я бросаю взгляд в окно на шумный Эос. Кое-кто из горожан уже спешит в Ореол, чтобы занять лучшие места перед Церемонией. У нашего города есть пульс, но нет сердца. Когда-то

я верила в Церемонию. Однако теперь, когда моему брату грозит Пожертвование, я не желаю туда идти.

Еще раз стучусь и предупреждаю:

— Я вхожу.

Распахнув дверь, я теряю дар речи. Наверное, мне стоило подготовиться и заранее представить младшего брата в рясе для Пожертвования? Может, тогда мне было бы проще? Я натягиваю улыбку, чтобы скрыть страх. Мама говорит, что *улыбка — это самое важное, что у нас есть, особенно в трудные времена*. Но я не могу. Я просто не могу улыбаться. Несмотря ни на что, Уилл не выглядит напуганным. Скорее, гордым. Даже впервые в жизни побрился. Кто вообще научил его бриться?

— Ты должен попасть на корабль, который летит на Землю, — говорю я. — Пожалуйста.

— У тебя красивое платье, — прохладно, как незнакомке, делает он мне комплимент.

Над кроватью Уилла висит плакат с девизом «Величайшее Благо для Великого Множества», а по всей комнате разбросаны Благодарственные подарки. Уилл выглядит непоколебимым, и мне в голову приходит мысль, что брат, должно быть, серьезно настроен отдать свою жизнь за колонию. Я стою, растерянная и безмолвная, вытянувшись в струну и крепко стиснув кулаки.

Лицо Уилла распухло из-за болезни, и даже плотный тональный крем уже не может скрыть синеву под его глазами. Вирадарт — это смертный приговор. Если брат и проживет еще какое-то время, то через несколько месяцев все его зубы и волосы выпадут, а зуд станет невы-

носимым настолько, что Уилл начнет раздирать кожу до крови. На Марсе нет лекарства от Вирадгарта, но я слышала, что, если успеть вовремя добраться до Земли, симптомы могут отступить. Чтобы держать под контролем уровень населения и количество ресурсов, всех заболевших отправляют на Пожертвование, поскольку отправлять их на Землю слишком дорого. Однако под угрозой Пожертвования находятся не только люди, больные Вирадгартом. Любой, кого сочтут бесполезным, получает ордер.

Уилл сидит за своим столом, и, несмотря на болезненный вид, сегодня в нем ощущается присутствие чего-то почти божественного. Словно он уже покинул этот мир и отправился к звездам. Я подхожу, встаю напротив брата, кладу обе ладони на стол и подаюсь вперед.

— Не отдавай себя им на Пожертвование, — говорю я.

Уилл щелчком открывает свой планшет, и полупрозрачный экран образует стену между нами. Я обхожу стол так, чтобы оказаться рядом с братом, и бросаю взгляд на страницу Благодарностей. Я уже несколько раз заходила туда сегодня. На ней оставляют однотипные комментарии вроде «Мы благодарны за твою жертву», «Герой ставит общество превыше личности» и «Ничто не забыто». Ничего личного и уж точно никакого намека на чувства.

— Уилл?

Брат отрывается от экрана, чтобы хорошо отработанным и слишком красноречивым взглядом показать: «отстань от меня».

— Прошу, попытайся бежать.

— Когда-то ты тоже верила в наш мир, — качает он головой.

— Почему ты не боишься смерти?

— Потому что я не эгоист, — отвечает он.

— Я не хочу, чтобы ты умирал, Уилл.

— Я отправляюсь на Пожертвование, — ровным тоном произносит брат и вновь переводит взгляд на страницу Благодарностей, — а не на смерть.

— Это одно и то же, — настаиваю я. — Участвовать в Пожертвовании, быть убитым или погибнуть в результате несчастного случая — все это приводит к смерти.

— И жизнь — тоже, — уверенно заявляет Уилл.

Брат увеличивает размер экрана, растягивает его вокруг себя и переводит в непрозрачный режим, чтобы скрыться от меня. Я смотрю на спортивные награды Уилла. Всего год назад брат стал *Лучшим Спортсменом Года* в школе Сансет. Тогда мы и не подозревали, что он подхватит Вирадарт. Возможно, мне следовало подчиниться указам правительства и принимать подавители эмоций, потому что сейчас я готова разрыдаться. Я перестала принимать Витал три недели назад, потому что не хотела, чтобы смерть Уилла оставила меня равнодушной. Держать себя в руках сложно, но я справляюсь. Именно так. В сердце нарастает боль, которая готова отразиться на моем лице. Однако, поддавшись эмоциям, я не спасу брата. Эмоции только оттолкнут его еще сильнее.

Думай, Эва! Как тебе достучаться до него? Я оглядываю комнату брата в поисках подсказки. Повсюду лишь спортивные награды и постеры его любимой футбольной команды — «Воины Орбиты». До того как заболеть, Уилл мечтал играть за них. И у него была такая возможность. Мама так гордилась его успехами в спорте. Точно! Уилл использует Церемонию как последний шанс заставить ее гордиться им. Может, мне попытаться убедить маму остановить все это? Но сейчас меня к ней не пускают. Ее приближенные постоянно твердят, что у нее нет времени для совещаний. «Никакое это не совещание, я же ее дочь!» — хочется кричать мне. Но все зря, группа *маминых* соратников еще более непробиваема, чем стекло, которое окружает этот город.

— Рано или поздно мама пожалеет об этом, Уилл.

Он вздрагивает.

— Нет, не пожалеет.

— Я уверена, пожалеет.

Маме следовало бы провести рядом с Уиллом его последние часы. Я втираю дезинфицирующее средство в ладони и спрашиваю у брата:

— Ты помнишь, что папа рассказывал нам о Земле?

— Папа был безумцем.

— А что, если не был? А что, если безумие — *вот это*? — Я показываю на мантию Уилла, а затем делаю взмах рукой в направлении Ореола. — Ты мог бы начать новую жизнь на Земле, Уилл.

Солнце там ярче, а кислород и почва — чище. У них есть настоящие деревья, настоящая пища, голубое небо над головой, а люди...

— Невежи! — обрывает меня брат на середине фразы. — Они не такие, как мы. Почему ты так помешана на этой Земле? Она грязная и совершенно непригодна для жизни.

— Не думаю, что нам рассказывают о Земле только правду, — парирую я.

— У меня нет сегодня времени на твои глупые теории заговора.

— Земля пригодна для жизни! Откуда еще, потвоему, мы получаем еду?

— Марсиане не могут там жить! — повышает Уилл голос.

— Конечно, можем, мы ничем не отличаемся от землян.

— Нет, отличаемся!

— Ты ничего не знаешь о Земле, — тоже повышаю голос я, — потому что слишком погряз во лжи, которую рассказывают на Марсе.

— А ты ничего не знаешь о Марсе, — кричит он, — потому что слишком одержима Землей!

Я стараюсь взять себя в руки и говорю тише:

— Я знаю, что тебе не обязательно идти на это Пожертвование сегодня, Уилл.

— А я знаю, что делаю. Я знаю, что правительство знает, что лучше для колонии.

— Да что с тобой такое? — поражаюсь я. — Почему ты так хочешь умереть?

— Убирайся из моей комнаты! — кричит брат.

— Почему ты вечно делаешь все, что говорит мать?

— Меня вызвали на Пожертвование не по ее указке. Я верю, что это почетно. И ты когда-то тоже в это верила. Ты должна быть благодарна за мою жертву. Пожертвование членов колонии, не приносящих ей пользу, это единственный способ выживания здесь. Я не эгоист, а вот ты, честно говоря, используешь свое положение, утверждая, что я должен поставить себя выше колонии!

— Я? Использую свое положение? — Я готова наброситься на брата, но не хочу, чтобы наша последняя встреча прошла именно так. — Я не хочу, чтобы ты умер, Уилл.

— Даже если бы я хотел улететь отсюда, — смягчается он, — то не смогу попасть на корабль до Земли, пока на меня выписан ордер на Пожертвование.

— Иногда людям это удастся, если у кого-нибудь из работников пограничного контроля хватает сознательности...

Уилл качает головой.

— Ты совсем ничего не понимаешь, не так ли? Взгляни на меня. — Он ненадолго умолкает. — Я болен, Эва, очень болен. Я умру вне зависимости от того, пойду на это Пожертвование или нет.

Я мотаю головой и стискиваю зубы. Это невозможно. Я бы отдала за брата жизнь, если бы могла. Я замечаю пакетик с порошком в ящике его стола.

— Это что, кара? — уточняю я.

— Не говори маме, она из-за этого только еще больше расстроится.

— Она расстраивается? — с сарказмом в голосе спрашиваю я.

— Если ты кому-нибудь проговоришься, — угрожает он, — я никогда тебе этого не прощу.

— Я никому не скажу. Но этот порошок реально опасен.

— Не надо меня опекать. — Уилл открывает пакетик. — Хочешь?

— Нет!

Брат высыпает немного кары на ладонь, набирает белый порошок на указательный палец и растирает по деснам. Судя по тому, как ловко у Уилла получилось, я понимаю, что он проделывает это не впервые.

— Что? — огрызается Уилл.

Меня охватывает ступор при мысли о том, что это может быть наша последняя встреча. А брат и на себя-то не похож. В груди поднимается мучительная смесь печали и гнева. Не знаю, что это за чувство, но оно настолько поглощает меня, что я готова отдать свою жизнь ради его спасения.

Перед глазами все плывет, пока я наблюдаю, как брат наносит гель для волос на свои знаменитые рыжие кудри. Многие будут оплакивать его сегодня. У него полно поклонников. Я вдыхаю его запах — смесь пота и попкорна — и понимаю, что буду скучать по нему, хотя обычно упрекаю Уилла, что от него воняет. У всех нас есть свой особый аромат, который невозможно воскресить в памяти или заново воссоздать после нашей смерти. Я поняла это, когда умер папа.

Вероятно, я буду прокручивать в голове эти последние мгновения снова и снова, когда Уилла

не станет. Покачнувшись, хватаюсь за столбик его кровати. *Скажи что-нибудь стоящее, Эва. Скажи то, о чем не пожалеешь. Попытайся облегчить брату этот момент.* Я готова сказать, что люблю его, но это было бы слишком. Нельзя говорить такие вещи в вечер Церемонии. Или вообще когда-либо. Любовь принесла много бед землянам.

Я замечаю проблеск страха на напряженном лице брата и задаюсь вопросом, что его терзает? Внезапно Уилл превращается в грустного мальчика, который пытается скрыть свои истинные чувства. Он подносит ладони к лицу, укрываясь за ними на несколько мгновений, а затем приглаживает свои редующие рыжие брови.

— Я благодарна за то, что ты мой брат, — говорю я и удивляюсь тому, насколько эмоционально это прозвучало.

— Но я хочу, чтобы ты была благодарна за мою жертву, — возражает он.

— Лучше бы меня, а не тебя вызвали на Пожертвование.

— Тогда иди вместо меня! — ухмыляется Уилл и протягивает мне руку для рукопожатия. Он всегда шутит, когда нервы начинают сдавать.

Я распахиваю объятия, и, к моему удивлению, брат с силой притягивает меня к себе. Мы обнимаемся крепко, как никогда прежде. Уилл отстраняется первым и говорит:

— Все будет хорошо, сестренка. Я смирился с тем, что умру, а вот ты проживешь потрясающую жизнь.

— Уилл...

— Я не шучу, — продолжает он. — Не хочу потреблять больше ресурсов, чем произвожу.

— Ты приносишь столько пользы, что это несоизмеримо. Ты стоишь топлива, потраченного на полет до Земли, Уилл.

— Ты просто завидуешь, что мне будут поклоняться после смерти.

— Таким не шутят, — слегка усмехаюсь я.

— Шутить можно над чем угодно. Ты помнишь, — вдруг спрашивает брат, — тот вечер, когда папа отвез нас в обсерваторию и накормил до отвала арахисовой крошкой?

— Ага, мама так злилась на него из-за того, что мы слопали столько сахара.

— То, что папа сказал нам в тот вечер, не выходит у меня из головы, — признается Уилл.

— Вот как?

— Он сказал, что смерть — не самое страшное, гораздо страшнее быть живым мертвецом.

— Да, я помню это, — соглашаюсь я. — Часто об этом думаю.

— И я. — Уилл выглядит таким потеряннным, словно какая-то его часть пропала безвозвратно.

— Эва?

— Да?

— Спасибо.

ГЛАВА 2

Перед Церемонией Вивьен накручивает и укладывает в локоны мои рыжевато-русые волосы. Ее собственные африканские кудри убраны от лица, и это подчеркивает ее скулы, а помада цвета фуксии выглядит потрясающе контрастно на фоне черной кожи. Эти яркие губы хранят молчание, потому что профессионализм всегда был для Вивьен превыше всего.

— Я сказала Уиллу, что он должен бежать на Землю, — признаюсь я.

— Эва, — упрекает меня Вивьен, — ты не должна так говорить! Я благодарна за жертву Уилла.

Она отделяет прядь моих волос и расчесывает ее, дергая на себя слишком сильно.

— Ай! — вскрикиваю я.

— Сиди спокойно, пожалуйста. Сегодня вечером ты должна выглядеть на все сто.

Усилием воли я подавляю в себе гнев и вхожу в социальную сеть. Все школьники только и делают, что выкладывают посты о Церемонии. Уолтер отправил мне личное сообщение:

«Привет, Эва! Я благодарен за жертву твоего брата. Ты лучшая сестра и девушка в мире! Ну, то есть, я не знаю наверняка, лучшая ли ты сестра, ведь я не твой брат — это было бы омерзительно, верно? Держись. Я верю в тебя. Я благодарен за жертву Уилла. Целую, Уолт».

Не знаю, что написать ему, кроме как *«они не имеют права убивать моего брата»*. Поэтому не отвечаю ничего.

— Вивьен?

— Да?

— Как ты пережила то, что твою маму вызвали на Пожертвование?

— Мы выпили чаю и продолжили жить дальше. Я благодарна за ее жертву, а она была благодарна за то, что смогла достойно окончить свою жизнь.

Я киваю и говорю то, чего от меня ждут:

— Я благодарна за ее жертву.

— Выберем более яркий или повседневный оттенок помады?

— Мне все равно.

— Эва!

— Прости. Повседневный оттенок, пожалуйста.

Вся колония собралась в Ореоле, ожидая начала Церемонии. Все 650 тысяч человек или около того. Обычно я горжусь тем, чего мы достигли на Марсе, но сегодня меня тошнит

от этого. Безмятежная музыка абсолютно не соответствует моему настроению. Я наношу на ладони антисептик. Если закрыть глаза, то почти удается отрешиться от происходящего. Интересно, пытается ли сейчас Уилл представить себя где-то в другом месте? Где бы он хотел оказаться? Брат всегда любил спорт и присущий ему марсианский командный дух, так что наверняка выбрал бы футбольное поле. Представляю, как Уилл бреется, и мечтаю, чтобы он еще не раз сделал это в своей жизни.

Я встаю, и тяжесть наряда напоминает мне о необходимости двигаться изящнее. Сегодня все взгляды обращены на меня, а мне хочется вырваться из этой стеклянной коробки и спрятаться. Но этот вечер посвящен Уиллу, так что я выступаю в той роли, в которой ему хотелось бы меня видеть. В роли сестры, которая им гордится. Я не стану выходить из образа превосходной скульптуры, которую из меня создали.

Если бы три месяца назад меня спросили, следует ли отправлять на Пожертвование больных Вирадартом, или любым другим недугом, или людей с инвалидностью, я бы ответила: *«Да, это единственный способ выживания для нашего общества»*. Повлиял ли на меня отказ от Витала или это мысль о потере Уилла, но впервые в жизни я засомневалась в фактах, в которые безоговорочно верила раньше. Девять лет назад мама стала президентом и ввела Церемонию Пожертвования. К тому моменту цены на наши металлы снижались уже многие годы, а экономика была в упадке. Мама заявила, что если *полезные для*